

Костромская основа в сюжете «Коробейников» Н. А. Некрасова

1. Хранитель костромского предания о «Коробейниках»

«Другу-приятелю Гавриле Яковлевичу, крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии», посвятил, как известно, Некрасов своих «Коробейников». В первых строках посвящения он говорит:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал,
Что строчишь карандашом.
Почитай-ка.

Очевидно, в «Коробейниках» заключалось что-то хорошо известное Гавриле Яковлевичу, а может быть и прямо касающееся его.

Почитав «Коробейников», Гаврила Яковлевич Захаров узнал, «что строчил карандашом» Некрасов, но, прожив после этого двадцать дав года, не имел случая передать для закрепления в печати то, что он узнал в «Коробейниках». Со смертью Гаврилы Яковлевича пропал этот первоисточник сведений о происхождении поэмы.

Нить к этой истории могла быть совершенно потеряна, как произошло и со многими другими произведениями Некрасова, если бы не нашелся хранитель семейного предания Захаровых. Им оказался сын Гаврилы Яковлевича Захарова – Иван Гаврилович, умерший 29 августа 1931 года.

В 1902 г., по случаю 25-летней некрасовской годовщины, у Ивана Гавриловича Захарова побывал Мизинец, уроженец соседней деревни, и свою беседу с ним опубликовал в № 140 «Костромского листка».

«Однажды во время охоты Некрасов убил бекаса, а Гаврила другого, так, что Некрасов не слышал его выстрела. Собака, его удивлению, принесла ему обоих бекасов. «Как, – спрашивает он Гаврилу, – стрелял я в одного, а убил двух?». По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд (см. конец «Коробейников»). Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости. Другие подробности, например, о «Катеринушке», которой приходилась «парня ждать до Покрова», основаны на рассказах Марианны, жены Гаврилы, которая также сидела в одиночестве, как и «Катеринушка»».

На этом кончается сообщение Мизенца. Имя жены Гаврилы Яковлевича и название волости, как явные опечатки газеты, я передаю здесь в исправленном виде.

Сообщение это очень важно для понимания происхождения и характера «Коробейников». Во всяком случае, оно уже разъясняет смысл посвящения поэмы Гавриле Яковлевичу. Но тем более необходимо знать все пропущенные в этом посвящении «подробности» и проверить самый источник сообщения.

Выяснение того и другого стало моей задачей во время поездки летом 1927 года по некрасовским местам. К счастью, в д. Шоды я застал в живых Ивана Гавриловича Захарова. Во время моего посещения ему было 72 года.

Узнав о цели моего приезда, Иван Гаврилович тотчас повел меня к себе в дом. Удалив всех любопытствующих, Иван Гаврилович в повести об отце, о Некрасове, о матери, об охоте раскрыл передо мной свою обаятельную личность. Находясь у него, я понял, каким бескорыстным и глубоким «другом-приятелем» Некрасова был его отец. Стиль письма Гаврилы Яковлевича к Некрасову, обнаруживающий его отношение к поэту, как к «родному», я узнал в обращении сына со мной. Впрочем, он и сам отметил эту параллель отношений.

По его совам, он «похож на своего родителя». Оба они замечательные охотники. Сын унаследовал от отца и ружейное мастерство. Из ружья, сделанного Гаврилой Яковлевичем, были убиты коробейники, как увидим далее. Иван Гаврилович – мастер, «известный на 100 верст кругом».

Творческая одаренность сказалась у обоих и в области слова. Не случайно Некрасов передавал рассказы своего спутника в «Эпитафиях» (соч. А. Скабичевского, т. II, стр. 273-374), а потом и в «Коробейниках». Гаврила Яковлевич не только запомнил слова стихотворного «посвящения» ему поэта, но в письме к Некрасову 1869 года свободно пользуется ими там, где это ему надо (Некрасовский сборник. Петроград. 1918 г., стр. 108-109).

Рассказ о происхождении «Коробейников» Иван Гаврилович передавал «нутром», целиком переносясь в прошлое. Он искренне плакал, повествуя о страданиях и слезах своей матери «Катеринушки». «Надумал убить, подлец!» – говорил он с негодованием, подходя к рассказу об убийстве.

Иван Гаврилович оказался верным носителем семейного предания о Некрасове и о «Коробейниках», способным сохранить это предание в его внутренней психологической правде, без чего подобные предания теряют жизненность, бледнеют и приходят в забвение, как у всех других членов их рода. Когда 1902 году Мизинец прибыл в Шоду и обратился к оставшемуся в живых брату Гаврилы Яковлевича Семену, то последний немедленно направил его к сыну Гаврилы и именно Ивану Гавриловичу, а не Федору, так как «Иван знает все». Я сам застал Федора, который был на девять лет старше Ивана, а потому, казалось, ближе стоял к временам Некрасова и мог больше дать мне сведений. Однако получил я от него лишь немного подробностей чисто внешнего характера. Некрасовское предание не шло к этому сыну Гаврилы Яковлевича.

Подруга жизни Ивана Гавриловича, Евдокия Михайловна, кажется самой близкой к тому, что хранит ее муж как фамильное предание о Некрасове. Иван Гаврилович сидит против меня и повествует, а она стоит рядом и следит за каждым словом, готовая помочь памяти Ивана Гавриловича. Он это чувствует и деликатно успокаивает ее.

Рассказывая, Иван Гаврилович как бы воскрешал прошлое, переживал все, о чем говорил. Но его настроение лишь сопровождало твердо установленный «канон» повести о фактах прошлого, не изменяя ни содержания его воспоминаний, ни порядка изложения.

Начав записывать рассказ Ивана Гавриловича, я скоро увидел, что все идет как в записи Мизенца: о знакомстве Некрасова с отцом в Костроме, о приездах Некрасова в Мисково на тройках, о количестве убитой птицы, о поводе, к рассказу, об убийстве коробейников и т. д. Такая одинаковость передачи одного и того же содержания на протяжении 25 лет свидетельствует о необыкновенной памяти Ивана Гавриловича и неизменяемости «канона» предания.

2. Правда и вымысел в сюжете убийства

Из повести Ивана Гавриловича и ответов на мои вопросы я привожу далее только то, что относится к сюжету «Коробейников». Рассказ Гаврилы Яковлевича об убитых двух «платошниках», «попавших под заряд одному охотнику», сводится к следующему. Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся напрямик через болота в село Закобякино, Ярославской губернии, «надумал» их убить, чтобы забрать деньги, и проследил их в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался около них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни. Потом их нашли, но не знали, кто убил.

Вскоре пошли слухи, что Давыдка разбогател. Стали догадываться о причинах неожиданного обогащения. Гаврила Яковлевич делал ружье. Давыдка не заплатил ему за работу. В «Дмитриев день» позвал Гаврилу Яковлевич Давыдку, и вместе пошли они к пастушку

Вединею, который слышал выстрелы и крики в лесу. Сперва хорошо выпили, а потом и «подзадорили детинушку».

Подзадоривал больше родитель: «Нас трое, расскажи, как ты убил коробейников, никто не узнает». Он и рассказал им всю правду. Из французского ствола убил одного наповал, а из русского не сразу. Раненый просил отпустить его душу на покаяние. Как только Давыдка признался, Гаврила Яковлевич строго сказал ему: «Много денег набрал, а мне не заплатил за ружье. Разве я тебе на то его мастерил?» Осердился и «потаскал» его тут же. Начальству на Давыдку не донесли и не хотели, чтобы оно узнало об убийстве.

Конец поэмы – «судьи тотчас все довели», разговоры перед убийством и собаку при убийстве придумал, по словам Ивана Гавриловича, сам Некрасов. Убийство произошло верстах в 20-ти от Шоды к востоку, к Молвитинской дороге, в Мисковской волости.

Таков в основе рассказ «родителя», спутника Некрасова, в передаче Ивана Гавриловича.

Трудно теперь точно установить, в каких словах слышал сам Некрасов от Гаврилы Яковлевича эту историю об убийстве коробейников, какие слова самого Гаврилы Яковлевича вошли в текст Некрасова. Но что произведение оказалось жизненным в этой части и близким к рассказу самого Гаврилы Яковлевича, можно видеть из впечатления от «Коробейников» у брата Гаврилы Яковлевича – Семена, как сообщил мне Иван Гаврилович. Дядя Семен Яковлевич сказал родителю: «Зачем ты рассказал ему на свою голову, теперь по книжке узнают, пойдут допросы, замучают». Если сравнивать рассказ об убийстве коробейников в тексте Некрасова с сообщением Ивана Гавриловича, то расхождение между ними окажется в следующем. Коробейники у Некрасова идут в Кострому, у Ивана Гавриловича пробираются к ярославским пределам. Убийца у Некрасова вообще называется «лесником», в частности и «стрельцом» и «христовым охотничком», а у Ивана Гавриловича он просто «охотник», «охотничек» из определенной деревни. У Некрасова при убийце во время преступления была собака с кличкой «Упырь», для той же стилизации, в рассказе Ивана Гавриловича собаки нет, как и сам он отмечает. У Некрасова убийца «тем же вечером» сознается в кабаке, у Ивана Гавриловича сознание убийцы происходит в «Дмитриев день», спустя достаточно времени, когда о богатстве его пошли слухи, сознается он не в кабаке, а в доме пастуха, слышавшего выстрел. У Некрасова за сознанием убийцы следует скорый суд и тюрьма, в рассказе Гаврилы Яковлевича убийца не доходит до суда и получает лишь закрытое товарищеское «внушение».

Совпадение в обеих передачах следующее: убийца – один человек, убитые – коробейники, числом два; убиты из ружья, одним зарядом, один сразу, другой не сразу, «с криком»; убийство умышленное, убийца проследил свои жертвы из деревни, когда коробейники узнавали путь; коробейники догадываются об умысле незнакомца – спутника, как будто виденного ими; выстрелы; выстрелы и крик раненого слышал свидетель, именно пастух; к сознанию в преступлении «подзадорила» компания подвыпивших, убийца сознается; ружье убийцы строил «деревенский плотничек»; убийство происходило в совершенно определенной местности Костромской губернии, где болотный район Костромы подходит к нагорной дороге.

Количество совпадений значительно превосходит количество расхождений в сюжете убийства коробейников.

Такие выражения, как «почитай, что разом грянули два ружейные ствола», или «два бекаса нынче славные мне попали под заряд», судя по сообщению Ивана Гавриловича о «других бекасах, попавших под заряд одному охотнику», представляют собой очень близкую стихотворную перефразировку слов самого Гаврилы Яковлевича, которая должна была особенно поразить его, как виртуозная шутка – мастерство со стороны «друга», вставившего его рассказ в свое произведение. Возможно, что в произведении вошли и другие слова Гаврилы Яковлевича, например, вопрос: «Что строчишь карандашом?»

Два раза в поэме Некрасов шутливо говорит о людях и местах, которые были известны ему и Гавриле Яковлевичу, и не могли быть известны широкому кругу читателей. По-видимому, материал шутливых разговоров между ними на охотах вошел в самый текст произведения.

Вот одно такое место в поэме. В четвертой части коробейники вместе с крестьянами смеются над охотниками – «собашниками» из господ. «Чьи такие господа?» – «Кашпирята с Зюзенятами»... Скупой на примечания вообще, Некрасов вынужден был в этот раз объяснить читателю «Кашпирят» и «Зюзенят» в подстрочнике: «Кашпировы и Зюзины. Крестьяне, беседуя между собой об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения». На эзоповском подцензурном языке это значило, что крестьяне презрительно, с уменьшительным суффиксом «ята» говорят об «известных лицах» – помещиках и «предметах» – охотах помещиков, в данном случае Кашпировых и Зюзиных.

По словам Ивана Гавриловича, Кашпировы – ярославские, а Зюзины – костромские помещики, «богатые собачники». Я проехал от Костромы по Вологодскому тракту, и между деревнями Сущево и Невежино мне показывали остатки имения Зюзиных. Там же от крестьян и потом от команды парохода «Крестьянка» плававшего по реке Костроме, слышал я и о Кашпировых. Отец одного моего собеседника из команды парохода сам работал у Кашпирова.

Но почему именно этих костромских и ярославских помещиков Некрасов нашел нужным увековечить в своем произведении? Посвящая его Гавриле Яковлевичу, Некрасов мог воспроизвести здесь знакомую им обоим сценку собственных охотничьих встреч с Кашпировыми и Зюзиными и передать презрительную кличку их, слышанную скорее всего от самого же Гаврилы Яковлевича, своего спутника и проводника. Этот прием поэтического возвращения Гавриле Яковлевичу того, что от него же в качестве материала получал и записывал на охотах Некрасов, соответствует как раз основной авторской установке его посвящения: «Не прославиться, угодить тебе хочу».

Другое место «Коробейников» – эпитафия пятой части: «Много ли верст до Гоголина?» – «Да обходами три, а прямо-то шесть». Широкий читатель, конечно, не знал, что Гоголино, бывшая деревня отца Некрасова, находившаяся недалеко от Грешнева, – некрасовского поместья. Здесь логическая нелепость шутки, называющей кратчайшим расстоянием шесть верст, а «обходами три», соответствует действительности. Выходя из Грешнева, вы сразу видите перед собой Гоголино, и услужливая дорожка с насыпи направляет вас прямо к деревне. Но, доверившись ей, вы скоро по мокрой траве доходите до сплошной высокой воды и поворачиваете назад. Если попытаетесь идти новым радиусом прямо на деревню, то снова попадете в то же положение.

Так знакомыми «обходами» до Гоголина получается «три версты», а «прямо-то шесть». Некрасов и Гаврила Яковлевич вспоминали эту «шутку» на каждом шагу среди болот бывшей Костромской губернии. Потому у коробейников, недовольных «прямой дорогой» – «то коцажником, то бродами», «шутка» превращается в «поговорку».

Первоначально, как показывает рукопись Ленинской библиотеки в Москве, Некрасов сделал иной вариант эпитафии: «Далеко ли до Мискова? Да дорогой-то три, а прямо-то шесть». При таком эпитафии поэма получалась выдержанно костромской: село Мисково находится около дер. Шоды.

3. Марианна Родионовна – «Катеринушка»

Образ «Катеринушки» и ее ожидание «парня до Покрова» связаны с женой Гаврилы Яковлевича.

Иван Гаврилович знакомит нас со своей матерью, прототипом «Катеринушки». Имя ее – Марианна Родионовна, по девичьей фамилии Кутейников, шутя ее звали «Кутейницей», «Кутьей». Не только Иван Гаврилович, но и другие старики характеризовали мне ее так: «красавица», «приятная», «мягкосердечная». И Некрасову она нравилась. Некрасов сам расспрашивал Марианну Родионовну об ее чувствах к мужу.

«Покойная Марианна Родионовна начнет рассказывать, как она одна молодая оставалась, как тосковала и беспокоилась, когда родитель ездил до «Покрова» к Ярославлю и Ростову продавать выхухолей. Один раз он ездил в Кострому. На обратном пути все

возвращавшиеся напился пьяные и остались в каком-то месте, а лошадь Гаврилы Яковлевича одна пришла ко двору без хозяина и без поклажи. Марианна испугалась, думала, что уже нет в живых Гаврилы Яковлевича, плакала, «лен стлала, а сама плакала». Плакал при этом и мой рассказчик, вспоминая страдания своей матери.

Сообщение Ивана Гавриловича о рассказах его матери Некрасову на тему об ожидании любимого мужа позволяет рассматривать их как основу для изображения ожидания «Катеринушки». Более того, рассказы Марианны Родионовны уясняют некоторые подробности начала пятой части и особенности «дум девичьих заветных» Кати.

Всмотримся в заключительные слова этих «дум» у Некрасова:

Ты живи себе гуляючи	«Спи, пригожий, спи, румянький –
За работницей женой,	Больше слова не скажу.
По базарам разъезжаючи	Видит бог, не осердилась бы,
Веселися, песни пой.	Обрядила бы коня,
А вернешься с торгу пьяньенький –	Да к тебе и подвалилась бы:
Накормлю и уложу.	«Поцелуй, дружок, меня».

Бытовые подробности приведенного отрывка, после рассказов Марианны Родионовны, становятся жизненными, но только в приложении к семейной истории супругов Захаровых в деревне Шоды, а не в «думах девичьих» «Катеринушки» о женихе-коробейнике. «По базарам разъезжаючи» – относится к Гавриле, действительно разъезжавшему по базарам со своим охотничьим товаром, и совершенно не подходит к коробейнику, пешему купцу, самому представляющему собой ходячий деревенский базар, как дано и в произведении Некрасова.. «А вернешься с торгу пьяньенький» – живая черта из биографии Гаврилы Яковлевича и неподходящая для коробейника, особенно в мечтах его будущей жены. «Видит бог, не осердилась бы, обрядила бы коня». «Конь» никак не подходит для пешехода-коробейника и даже становится вместе с ним в положение взаимно исключаящих друг друга образов, но в крестьянском быту супругов Захаровых эти слова – «не осердилась бы, обрядила бы коня» – совершенно на своем месте. Следует упомянуть здесь, что в первое посещение Шоды Некрасов сам подарил безлошадному Гавриле Яковлевичу коня, как сообщил мне Иван Гаврилович. «Да к тебе и подвалилась бы: поцелуй, дружок, меня» – это место скорее не из «дум девичьих заветных», а представляет собою супружеское завершение встречи после расставания, более естественное в «думах» замужней женщины, какой и была Марианна Родионовна.

Ее рассказы, вместе с личными впечатлениями Некрасова от обоих супругов и их жизни, при быстроте создания произведения, при авторской тенденции давать в нем подлинный жизненный материал и лично близкий «другу-приятелю», могли послужить причиной подведения к «думам девичьим заветным» фактического материала семьи Захаровых.

Марианна Родионовна, очевидно, обратила на себя внимание Некрасова, как очень подходящий объект для литературного воплощения образа любящей крестьянки, понадобившегося ему в 1861 году, когда после отмены крепостного права революционные демократы ставили вопрос о положении крестьянства, в частности крестьянки, зверски эксплуатируемых помещиками и капиталистами.

Рассказы Марианны Родионовны об ее ожиданиях Гаврилы Яковлевича, однако, свидетельствовали не столько о томлении любовного чувства, сколько о напряженном беспокойстве за мужа при его разъездах. Такой материал не вполне подходил к ожиданиям «Катеринушки» в ее положении. Некрасов восполнял его мотивами любовной народной песни. Из народной песни были взяты и тревоги, ревность девушки, находящейся в ожидании, и «полуштофик сладкой водочки» для милого на свидании, который, впрочем, также соответствовал обхождению Марианны Родионовны со своим супругом. Образ героини-крестьянки осложнялся у Некрасова и сопоставлением ее с принятым тогда в дворянской литературе идеальным образом любящей дворянской девушки, особенно в романах Тургенева.

Крестьянка Катя отмежевывается у Некрасова от бездельных представительниц высших сословий:

Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.

Литературная осложненность образа «Катеринушки» не мешала Ивану Гавриловичу воспринимать в произведении Некрасова черты своей матери и искренне плакать о ней. Более того, конкретные черты матери в этом образе постоянно живили его сознание. Вот почему при посторонней публике он не хотел рассказывать мне всей этой истории, волновавшей его самого.

Позднее я послал Ивану Гавриловичу книжечку стихотворений Некрасова с «Коробейниками». Он вчитался в текст, четко отделил поэтический вымысел от жизненных фактов в истории матери. И когда на следующий год (1928) я опять приехал к нему, Иван Гаврилович без всяких вопросов стал разбирать начало V части «Коробейников».

«Да как жала рожь высокую» – придумал Некрасов, ржи не было. Зато «лен стлала до поздней ноченьки» – совершенная правда. Место о ревности придумано: «Никогда покойная не говорила: ты женись, женись на мне», – подчеркнул, повысив голос, Иван Гаврилович, как бы обидевшись за мать. Жизненная правда содержится в характеристике: «ни тебе, ни свекру-батюшке николи не согрублю»... «буду я невестка тихая, работящая жена»... «я за милого с охотой буду пашеньку пахать». Подойдя к месту о «пьяненьком» родителе, о возвращении его с конем и об уходе за ним любящей жены, Иван Гаврилович несколько остановился и тихо, но твердо сказал: «И тут все правда, так было». «Думы девичьи заветные» и дальнейшие слова придуманы Некрасовым.

Во всей обрисовке образа «Катеринушки» Некрасов проявляет подлинную нежность. Марианна Родионовна должна была дать поэтическую передачу своих же рассказов Некрасову, как и правдивое дружеское изображение ее быта с «пьяненьким», скитающимся мужем, за которого она и «пашеньку» пашет, и коня обряжает, которого и спать укладывает, когда другие жены в таком положении лишь ругаются. Раскрывая образ «Катеринушки», Некрасов делал супругам Захаровым наиболее ценную часть своего дружеского «подарочка». Объективно-исторически этим «подарочком» русская литература, приблизилась к крестьянству, к народу.

Сообщение Гаврилы Яковлевича об убийстве коробейников и рассказ его жены о своей истории совершенно самостоятельны и не имеют никакой связи между собой.

В произведении эти части связаны любовью «Катеринушки» – Марианны к одному из коробейников, впоследствии убитому. Сюжет получил единство и законченность.

Любовное свидание в начале произведения с последовавшим обещанием «парня» вернуться «к Покрову» стало завязкой для всего дальнейшего: коробейник пошел торговать с мечтой о браке после «Покрова», а Катя стала поджидать его. Читатель или слушатель втягивался в их судьбу, чтобы пережить и крушение их счастья. Подводя итог тому, что основано в Коробейниках на фактических материалах, полученных от супругов Захаровых, следует с полной несомненностью выделить первую половину пятой части – ожидание Кати и само убийство в конце произведения. В сюжете оба момента являются главными, опорными.

4. Костромская топография поэмы

Сообщения Гаврилы Яковлевича послужили основой и для изображения места и времени в поэме. Как ни обработаны в ней художником сообщенные обоими супругами факты, как ни звучит она вся песней, однако в ней строго выдержан характер места, указанного Гаврилой Яковлевичем. Некрасов точно знал, на каком расстоянии от Костромы находится

Мисковская волость, где, по сообщению, произошло убийство, хорошо знал и природу этой местности.

Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиной
Двадцать восемь.

Мне лично пришлось ехать в Шоды из Костромы через Мисковскую волость по нагорной стороне, Вологодскому тракту, а возвращаться болотным путем, и я убедился в точности расстояния, указанного в тексте. На месте оживает Некрасовская картина из «Коробейников» в поразительном соответствии с действительностью. С нагорной стороны, по которой идет дорога от Костромы, слева виднеется лесная болотная низина. Она простирается на далекое расстояние.

В народном шуточном стиле и песенной форме Некрасов верно рисует путь к Костроме из Мисковской волости:

Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие.

Пока я сам не въехал в «пески сыпучие» недалеко от Костромы и не вспомнил о них по стихам в «Коробейниках», я читал эти слова, как шуточное преувеличение препятствий на дороге к «славному городу Костроме». Однако и в этой подробности «песков» среди известных здесь «лесов» и «болот» поэт верен действительности, как верен и при описании пути «то кочажником, то бродами».

Лесник, замысливший убийство, берется провожать коробейников до Костромы: «нам по пути, я из Шуньи». Шунья, близкая по названию, действительно находится около самой Костромы, на пути из болотистых мест. Местные жители часто называют ее «Шуньей», говорят: «Я из Шуньи». Ошибка «судей» в поэме:

«Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались – из Давыдова
Взяли Титушку ткача».

Спиридово – бывшей Красносельской волости, Костромского уезда; Давыдово – бывшей Шунгенской волости, того же Костромского уезда. Ошибка «заседателей» получается правдоподобной и по месту.

Из сел, упоминаемых в «Коробейниках», нет в действительности одного лишь названия – «Трубы», придуманного автором вместо деревни Сухоруковой, где убийца жил и в действительности встретил коробейников. Желание замаскировать название этой деревни совершенно понятно.

Для поэта точное географическое указание в сообщении Гаврилы Яковлевича стало пунктом, около которого разворачиваются разговоры коробейников, явно созданные самим Некрасовым. Бассейн Костромы служит Тихонычу местом для его рассказа-воспоминания: «А то раз попал я к случаю за рекой за Костромой». Сама Кострома – город, по поэме, находится где-то близко от пунктов рассказа: «С баринком слюбилась жenuшка, убежала в Кострому».

Поэма во второй половине получается, по природному колориту и словесно-топографическим обозначениям, чисто костромской. Первая половина поэмы не имеет такой резко выраженной топографической основы.

События, изображенные в «Коробейниках», происходят по поэме в совершенно определенное время, в эпоху Крымской войны, которая отделялась от 1861 года, момента написания произведения и самого рассказа Гаврилы Яковлевича Некрасову, пятью-шестью годами. По всему характеру сообщения об убийстве оно было недавним. Были живы сам убийца Давыд Петров, Гаврила Яковлевич, делавший злосчастное ружье и «потаскавший» убийцу. Раскрытия убийства через «книжку» Некрасова боялся Семен Яковлевич. Очевидно, оно еще не покрылось давностью для суда. Пять-шесть лет от преступления до рассказа Некрасову и до «Коробейников» его, по этим данным, срок подходящий, чтобы эпоха Крымской войны, естественно, стала временем действия поэмы. Самая эпоха рисуется Некрасовым в образах его прежней поэзии, лишь приближенных к народной речи и всему стилю поэмы.

Встреча коробейников (4-я часть) с пленными турками соответствует факту передвижений их в этих местах. Стихотворение Некрасова «Тишина» (1857 г.), рисовавшее «родину», т. е. окрестности Грешнева с церковью в селе Абакумцево, непосредственно после войны, также передают живую картину, когда «народ смотрел довольными глазами на фуры с пленными врагами, откуда рыжих англичан, французов с красными ногами и чалмоносных мусульман глядели сумрачные лица». Предание о пленных я слышал в этих местах от стариков одной деревни на дороге между Ярославлем и Грешневым. Против деревни Ермольцево, за Грешневым, около сосен, видневшихся до последнего времени, хоронили, по местному преданию, умерших пленных французов. Рисуя в шуточной форме встречу коробейников с пленными турками, Некрасов веселил Гаврилу Яковлевича знакомой ему сценкой. Иначе она была бы странной.

Убитые Давыдом Петровым коробейники, как люди чужие, захожие, не были лично известны, надо думать, Гавриле Яковлевичу, а тем более Некрасову. Подробностей не знает о них и Иван Гаврилович. Для Некрасова был важен самый факт убийства коробейников, происшедший в костромском лесу. В настроении поэта того времени он вошел в сложный комплекс мыслей и чувств, которые стали основой художественного изображения и трактовки в поэме как самих коробейников, так и их грабителя. Сущность основной темы сводится к тому, что «народ освобожден», но он несчастен.

(«Ярославский альманах». Литературно-художественный сборник Ярославского отделения Союза советских писателей. Ярославль, 1941, с. 193-203.)